



Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 174-184, 2015

<http://bg.sutr.ru/>



UDC 94(571)

Gathering Edible as a Survival Strategy and Life Support System of the Siberian Rearward Village in Wartime Daily Living 1941–1945 on the Oral Historical Sources

Tatiana K. Shcheglova

Altai State Pedagogical Academy, Russian Federation
Altai Region, Barnaul, 55 Molodezhnaya Str., 656031
Dr (History), Professor
E-mail: tk_altai@mail.ru

Abstract

This paper explores the life support system of disabled population of Siberian rearward village in the Great Patriotic War 1941–1945 by means (techniques) and sources of oral history and Russian [version of] ethnology. The analysis of field data 1990–2014 demonstrates, that there was older generation being once de-peasantified in 1920s-30s, which developed in rural areas a set of behavioral actions and occupations, contributory to survival strategies of peasant family, based on resources of feeding environment and traditional culture of life support. Gathering of edible became one of the main means of child survival – this paper discusses its variations and patterns, as well edible plants, berries and mushrooms. According to research done, gathering edible was group-organized under supervision and with participation of grannies or individual expenditure - a kind of subsistence food that lies under the feet. An effort is taken to identify patterns and variations of gathering edible. It's proven that together with direct eating plants, family economy included preservation of natural edible in store for a long Siberian winter. The paper covers blank grass as impurities in the flour to bake bread, as well a base for porridge, features restrictions and punishments not only for gathering crumbled wheat spikelets on collective farm fields, but also suppression cases in the vicinity of the villages.

Keywords: the Great Patriotic War; rearward Siberian village; disabled population; life support system; food; gathering edible; survival strategy; eyewitness; participants; respondents.

Введение

Великой Отечественной войне посвящено много работ. Но остаются малоизученными проблемы, требующие новых подходов, методов, источников. В первую очередь это касается антропологических аспектов. Если тема «Человек на войне», благодаря усилиям исследователей [1], проработана, то с позиций антропологии «Человеку тыла», уделялось меньше внимания. Перспективы изучения связаны с новыми походами в истории и этнологии и новыми направлениями исторических исследований. В данной публикации автор опирается на «устную историю» (oral history) с ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования участников и очевидцев реконструируемых событий, и этнологию с ее концепцией теории культуры жизнеобеспечения [2, с. 22].

Автором ставится проблема изучения стратегии выживания тыловой деревни на примере сибиряков и адапционных функций культуры жизнеобеспечения в условиях военного времени. Для них, условия даже с учетом тяжелой социально-экономической ситуации можно характеризовать как повседневные, в отличие от массовых потоков принудительных переселенцев в сибирскую деревню в 1941–1945 гг. для которых они были экстремальными. Поэтому автор ограничивается сибиряками и считает, что поставленную проблему относительно разных категорий репрессированных лучше рассматривать самостоятельно [3]. Предметом проведенного исследования является потенциал одной из подсистем культуры сибирского села, которая «позволяет людям

поддерживать свое физическое существование и охраняет их от вредных воздействий среды» [2, с. 23]. В данном исследовании речь пойдет о пище, как компоненте культуры жизнеобеспечения и собирательстве, как процессе, обеспечивающим стратегию выживания с использованием ресурсов «кормящего ландшафта».

В качестве объективных, неблагоприятных, «меняющихся социальных условий», влиявших на систему жизнеобеспечения сибиряков выступали демографическая ситуация с доминированием в производственной сфере женщин; мобилизация финансовых, материальных и технических ресурсов колхозно-совхозного сектора для обеспечения фронта; отстранение государства от решения бытовых и повседневных проблем сельского общества и другие последствия военного положения страны.

К субъективным неблагоприятным факторам следует отнести ряд последствий советской социалистической модернизации, усугубивших положение сельского населения в ухудшившихся социально-экономических условиях военного времени. Это раскрестьянивание и ликвидация единоличного хозяйства с отстранением домохозяев от средств производства и уничтожением семейного земледелия и скотоводства; это коллективизация и незавершенность формирования новой модели колхозно-артельно-кооперативного и совхозного производства с перманентно низким материальным достатком домохозяев.

В качестве гипотезы выдвигается положение о сплетении благоприятных и неблагоприятных факторов в парадоксальную социально-экономическую ситуацию сибирской тыловой деревни, способствующую формированию успешной и результативной для условий военного времени стратегии выживания и системы самостоятельного жизнеобеспечения тылового населения Сибири. На это повлияло и то, что между «старой» крестьянской и «новой» советской деревней был небольшой временной разрыв. К началу войны деревня была представлена молодым поколением с модернизированным сознанием, которое в первую очередь попало под мобилизацию на фронт, и зрелым поколением крестьянской России с сохранившимися бытовыми привычками и повседневными трудовыми традициями. Устные материалы показывают, что война в этом смысле «укрепила» традиционную культуру, что проявилось в повышении значения института семьи; семейных и мирских традиций по обеспечению жильем, питанием, одеждой; развитию домашних занятий и др.

Методы и источники

Источниками по изучению данной проблемы преимущественно могут быть только устные исторические источники. Фонды государственных архивохранилищ практически не содержат источников о жизни человека или локальных сообществ; в них отложились, прежде всего, документы о жизни государства. Формирование устной истории (Oral History) как нового направления исторических исследований. По мнению исследователей, термин «устная история», отражающий самостоятельный вид деятельности, введен в 1948 г. А. Нэвинсом и закрепился в деятельности Колумбийского и Калифорнийского университета (Columbia University Oral History Research Office and University of California at Los Angeles) [4]. Что касается ее методов и источников, то они использовались в исследованиях с момента становления истории как науки. На опросах участников событий в античности писали свои работы Геродот, Тацит, Плиний; в раннее средневековье создавались хроники и летописи [5, с.5]. На материалах опросов строятся многие архивные делопроизводственные документы XVIII–XIX веков т.д. [6] Как указывает П. Томпсон: «...устная история существует столько же, сколько и сама история» [7, с.22]. В отечественной практике доказательством этому служит опыт 1920-х годов по созданию истории фабрик, заводов, революционного движения с опорой на опросы очевидцев.

Используемые в данной публикации устные исторические источники создавались автором с 1990 г. в ходе руководимых ею историко-этнографических экспедициях. Термин «устные исторические источник» автор вводит для соответствующих образом полученных и оформленных материалов интервью [8]. Материалы исследований оформлены архивом Центра устной истории и этнографии, созданным при Лаборатории исторического краеведения кафедры отечественной истории (ЦУИЭ ЛИК АлтГПА). На сегодняшний день обследовано более 30 сельских районов, 600 населенных пунктов, проведено свыше 3000 интервью. Часть использованных интервью реализованы в проекте «Живая история», посвященного Году истории в России [9]. Всего в архиве отложилось 3546 интервью (1190 часов записи на кассетах и свыше 1 тыс. часов цифровой записи), 4736 фотоснимков на фотопленке и 65212 цифровых фото и 30 часов видеозаписи. Для решения поставленных задач в публикации привлекались материалы двух групп респондентов: 1. Из поколения детей и подростков (1926–1935 гг.р.), поставленных войной в условия выживания и приспособляющихся к неблагоприятным условиям; 2. Представителей трудоспособного населения (1915–1925 гг.р.), которые пытались адаптировать систему физического жизнеобеспечения к неблагоприятным условиям.

Исследование сюжета. Главными компонентами стратегии выживания для всех возрастных и социальных групп в тыловой деревни была борьба с голодом: «Голод, тогда, и мы ни об чём не думали, нам лишь бы наестся, да и спать» [10]. Борьба с голодом, прежде всего, нетрудоспособного населения мобилизовала традиционную культуру жизнеобеспечения, актуализировала навыки

жизни в экстремальных условиях. Речь идет о «самых маленьких» и «самых стареньких», т.к. трудоспособное население «мобилизованное» в колхозное или совхозное производств, находилось на производстве, особенно в летний период и «денно», и «ношно», лишь «иногда по субботам отпускали помыться в банях». Но, проживая «на бригадах» или полевых станах с «оборудованными» кухнями, в 10–25 км от дома, они получали организованное питание. И, в целом, их жизнь была и сытнее, и теплее, чем у оставшихся дома детей, разного возраста, от 1 месяца и до 11–12 лет; и самых пожилых – от 55–60 и выше. Как вспоминали бывшие колхозницы: «Бывало, прибегу домой, а избушку замело по самую крышу. Ни окон, ни дверей. Покричу детям в трубу, узнать, что живы, а сама опять на работу. И так несколько дней. Как они там сами, ели не ели?» [11, с. 17].

В этом деревенском коллективе вся тяжесть содержания дома и хозяйства, в том числе, и детей легла на плечи «бабушек», которые и спасли «тыловую деревню», установив покровительство над подрастающим поколением. Дедушек в деревне было мало, и, как правило, их тоже мобилизовали в «колхозное производство», если не для физической работы, то для руководства «женскими бригадами» и «мужского пригляда» за хозяйством. Они выступали в роли своеобразных «консультантов» в сельскохозяйственных работах и технико-тягловом обеспечении трудового процесса. Таким образом, крестьянский единоличный опыт, образ жизни и трудовые навыки стариков оказались востребованы военной деревней.

Стратегия выживания нетрудоспособного населения во главе с «бабушками» базировалась на знании окрестных мест и осознании ситуации самообеспечения. Нужно было спасти детей от голода, холода и болезней. Информанты, которые были в годы войны детьми, так говорят: «Недоедали, вечером приходим все: «Мам, чё есть?» - «Да, нечего». Вот с этим и ляжешь спать...» [12]. Система физического жизнеобеспечения военной тыловой деревни опиралась на традиционные способы использования всех возможностей «кормящего ландшафта». Во многом это, также было связано с маломощностью сельского двора при колхозно-совхозном строе, чьи возможности, в основном, были ограничены огородами [13, с. 51]: «Картошкой жили, – огороды большие. Да и то почему-то в войну картошка плохо родилась. Почему? То ли уж так Господь дал... И урожай почему-то плохие были... То ли дождей не было. Не знаю почему?! Но так!» [14]; «Выручал огород, но времени на него не всегда хватало. Иногда приходилось картошку зелёную копать и варить, чтобы накормить детей» [15, с. 17].

При таких условиях семейного производства, маломощности колхозов и совхозов главным для нетрудоспособного населения стало собирательство дикорастущих съедобных трав, ягод, грибов: «Есть было особо нечего. Ели травку разную, да ягоду» [16, с. 17]. Актуализировало этот «рудимент» индивидуального крестьянского хозяйства регулирование государством в военное время размеров ЛПХ (личного подсобного хозяйства), которое «не должно было отвлекать от работы в «общественном» хозяйстве взрослых членов семьи [17, с. 61]. Исследователям необходимо изучать собирательство, как компонент системы жизнеобеспечения по многофункциональному использованию растений и в питании, и в санитарии, и в гигиене, и в лечении, и в отоплении и т.д. Так, только осока использовалась и для циновок, на которых спали, и для матрасов - сушили и набивали ею матрасы, и для отопления вместе со стеблевым сухостоем (полынь, борщевник и другие стеблевые травы) железных печек-буржук. Интересный вариант использования осоки в личной гигиене зафиксирован в селах Алтая «В полях работа на комбайнах и тракторах тяжелая и пыльная. Опять спасал радиатор: рвали осоку, макали в радиатор и помогали друг другу обтереть пыль со спины. Осока – трава острая, спины ею были всегда поранены, разъедены пылью и потом» [18, с. 46].

Таким образом, собирательство в борьбе с самыми большими проблемами тыловой деревни – голодом и холодом стало одним из основных процессов в стратегии выживания. Оно базировалось не на производящем, а на присваивающем хозяйстве и потому было доступно для нетрудоспособного населения. Война способствовала высокой горизонтальной мобильности в межпоколенном распределении обязанностей, начиная от самого раннего детского возраста и заканчивая самыми возрастными поколениями. Из активного занятия собирательством выпадали трудоспособные женщины и подростки, на плечи которых легла вся производственная нагрузка. Собирательство стало, в первую очередь, обязанностью и потребностью детей. По времени работ и собирательство, и массовые сельскохозяйственные работы совпали в силу своего сезонного характера.

Массовое собирательство привело к тому, что наиболее распространенными компонентами питания стала растительная пища, добытая из окружающего деревню природного пространства. При этом, собирательство обеспечивало семью почти круглый год, и включало широкий круг съедобных даров природы: и дикорастущие травы, и ягоды, и грибы, и орехи. Время же самого сбора охватывало период с апреля по октябрь – от снега до снега. Хотя в полевых исследованиях фиксируются и случаи сбора грибов из-под снега, и ягод (рябины, калины, боярки) «по снегу» и зерновых колосьев. Но массовые заготовки выпадали на период бесснежья. В Сибири, как и в России повсеместно существовали три способа заготовки результатов собирательства – сушка, заморозка или засолка. «Главным лакомством были полевые и лесные ягоды. Ели их летом свежими, а зимой сушеными»; «Ну а когда училась я в пятом классе – война-то началась. Летом – всё у нас грибы да ягоды. Все лето мы занимались этим делом! То в степь, то в бор. ... Раньше что – сушили, сахару ж не

было, варенье ж не варили, а только сушили эту ягоду. Ну а бруснику всегда морозили. Сначала замочут, а потом к осени сливают этот рассол и замораживали. Моченую морозили эту ягоду...» [19]

В занятии собирательством можно выделить его этапы, виды и формы. По формам, собирательство можно разделить на организованное (коллективное), как правило, со старшими членами семьи и на повседневное собирательство, которое можно назвать «пропитанием на подножном корму».

Первая форма организованного собирательства проводилась коллективно и под присмотром или участием взрослых. Как правило, такое собирательство либо сочеталась с определенной опасностью для детей, либо являлось важным сектором семейной экономики, результаты которого обеспечивали значительные запасы питания для всей семьи на весь зимний период. К таким занятиям относились сбор и заготовка грибов и ягод. По словам респондентов, смородину собирали в околках, «по лягам»; землянику (клубнику) в степи, на полях, в лугах; бруснику и клюкву в лесу или бору; ежевику, боярку, черемуху и калину «по забокам и т.д. Из грибов «собирали грузди, краснявки, синявки, рыжики. Солили, сушили. Сушили на улице, иногда в печке» [20]. Собирательство в военные годы, как и в ранний период существования человеческого сообщества, превратилось в средство добывания пропитания.

Вот как описывает организованный коллективный сбор и заготовку грибов В.Н. Бурматова: «А пойдешь по грибы, дак не выбираешь, а всех с червями соберёшь, чтоб больше было. Ходили пашком, и за Бурлу ходили пашком. У нас соседка [подружка], у их была избёнка своя, ну, и отец тоже на фронте был. А пойдём по грибы, а баба Аксинья нас насобирает девчонок в бор. А у ей корзина была такая здоровая, и нам повязки сделает через плечо. А мы с ведрами, сядем отдыхать на дорогу: «Баба Аксинья, ну у тебя ж в корзинке, погляди какие черви-то вылазют» - «А девки, то не черви, что моемо [вымоем], а то будут черви, которые нас будут исть.» Вот зимой, у их избенка, все собирались. Ну, куды пойдешь? А у их три девчонки, мы к им все бегали. Побежим к им: «в колючку» [играть]. Играем, играем, а баба Аксинья наварит картошки, такой меленькой, на стол вывалит: «Девки, ну-ка слазейте за грибами!» Мы полезем. «Да возьмите поварешку, червей- то соберите, в кадушке, а груздей накладите». Мы червей выбросим, накладём чашку деревянную, да так наделимся [наедимся] у их, картошки с груздями. Да на другой раз пойдём в бор, она и говорит: «Рвите все грибы!» Все! А то опять ко мне придёте жрать!» [21]. В этом рассказе участниками собирательства являются девочки во главе с женщиной. Сам поход сопровождался и попутным «пропитанием» детей по дороге, «на привалах» вокруг себя находили и ели «слизун и кислятку».

Подобные рассказы показывают и сложность грибного промысла для детей и женщин, которые уходили далеко и собирали помногу: «За Бурлу пойдём, нарвем. Там у нас была мельница, а там столбики, мы по этим столбикам пролезем по воде - там больше грибов-то. А баба Аксинья свою эту плятуху [плетеная корзина], лезет по столбам и плятуху эту тянет. У ей был ребёнок, болел, она дома, вот щас оставить с маленькими ребятишками, а нас насобираить с девчонками: «Пойдите девки за грибами» [22].

Таким же изнурительным трудом был и коллективный поход за ягодами для зимней заготовки. Вот как рассказывала об этом Н.Д. Черных: «...мой братишка, который меньший, и подружка... Она постарше меня на девять месяцев, и у неё тоже братишка был. И вот как лето, мы ходили по ягоды в степь. По клубнику и по смородину. Бывало, по смородину пойдёшь, - по колено воды было [ляги со стоячей водой]. Ходили прямо по воде. Как она, бедная, там росла?! Непонятно. Но смородину оттуда носили. Это километров шесть-семь. А то за клубничкой! Километров за пятнадцать в степь ходили. Пешочком всё это. Там ещё по дороге был один родничок. Вот подойдём, там маленько картошки, если поедем... Родничковой водички попьёшь. Пешком же всё ходили, вот. Ещё с мамой ходила и соседка у нас — женщина такая была, как «коновод», все называли [её]. Она все места знала, и в бору, и в степи знала. Всё! Один раз, помню, пошли за брусничкой. А брусники тогда было! Ждали, когда она уже коричневая станется, прямо тёмная. И вот, один раз пошли нас несколько человек, женщин. Набрали мы этой брусники: они по три ведра набрали, а я как раз, помню, после девятого класса — я набрала два ведра! Я бы ещё набрала, потому что я собирала ягоду быстро. Но, думаю: «Как же я её донесу до дому-то?» Ладно! А брали как? - Если уж берёшь ведро [полнехонькое]— Палку берёзовую, крепкую... Тут ведро на палку, а там — сумку сделали [на шею]. Друг к другу подойдешь сзади, через голову оденешь. Плечо-то отдавит. Ну ладно, выходим из бора. А по дороге...под шоссе, чтоб вода-то протекала,- трубы. Доходим, я говорю: «Женщины, я сяду туда в трубу». Осталось уж до дома там всего-то с полкилометра. Я говорю: «Маме скажите, пусть она меня встретит». Я уже идти не могла. Дак, они свои по три ведра тащили, мои схватили эти ведра, женщины и бегом» [23].

Более легкой «добычей» был повсеместно используемый в военные годы «паслен». Эта ягода была доступным лакомством для детей. Она прямо по огородам «по под заборами», «по за огородом» «поспевала осенью, ее сушили». Как правило, все ягоды использовался как начинки в пирогах, варениках: «Зимой стряпали пирожки с пасленом, стряпали пирожки с земляничкой, со смородиной. Сушили» [24]. Просто толкли и ели. Так, излюбленным продуктом была молотая сушеная черемуха - ее толкли в металлических или деревянных ступах, заливали кипятком и ели или пареная калина, из которой делали кулагу.

К коллективному собирательству, но без надзора старших относилось весеннее собирательство. Как правило, дети сбивались в небольшие стайки и промышляли по полям и огородам. Среди неорганизованного собирательства – сбор по пустым огородам прошлогодней мерзлой картошки. Дети войны часто вспоминают: «почти голодовали, а чё сделаешь. Картошку весной пойдёшь по огородам собираешь... мелкая, мёрзлая» [25], «ели мерзлую картошку» [26]. В целом, говоря о значительной роли картошки в рационе военной крестьянской семьи тыловой деревни, респонденты, как правило, подчеркивают две характерные черты «военной картошки» - она была мелкая и она была зеленая (современной практике ее отбраковывают при копке картофеля). Об одной из причин этого явления говорят сам респонденты: «во время войны ели целиком зажаренную картошку, мелкую, т.к. крупную отправляли на фронт» [27].

Коллективное собирательство без участия взрослых представлял и сбор по колхозным полям прошлогодних оставшихся после уборки и вытаявших из-под снега колосьев: «Пшеницу, вот, колоски собираем по полю. Принесёшь, разлушишь и на сковородку жарили...» [28]. После зимы, когда заканчивались все припасы, сбор колосьев являлся жизненной необходимостью. Как рассказывала М.И. Ковтун 1908 г.р. про свою семью: «Особенно голодали семьи к концу зимы, когда картошка заканчивалась ... Сын Алеша нашел просяное поле и из под снега достал колоски, сложил их в ведро и принес домой и на утро наварили просяной каши... И так каждую весну, дети в поле искали опавшие колоски пшеницы и проса, этим и спасались.» [29].

«Сбор колосков» хотя и занимал значительное место в семейном бюджете, но являлся крайне опасным делом в силу его известной «противоправности». Дети это осознавали: «А вот уборку делают, а мы колоски потом собирали [школьников использовали для сельхозработ] Потому что убирать такой техники хорошей-то не было. Опять ученики - мы собираем колоски все. А не дай Бог, если горстку домой принесешь зерна. Нельзя! Есть-то нечего было, а зерна горстку нельзя было взять. Никто не брал ничего. Тогда, где если добудет, где маленько, дак эти рушилки были. Вот там пригоршни смерит, да хоть на картошке больше, хоть чуть-чутьчку хлеб пекли» [30].

Собирательство на скошенных полях для взрослых являлось наказуемым. Многие респонденты из детей войны вспоминали случаи, когда наказывали односельчан: «У нас одна женщина, может быть, и простить бы ее, а та женщина сторожила зерностан. Ну, сторожила и взяла, тута подпоясалася и в пазуху насыпала пшенички. Муж уже погиб, пришла похоронная, и три девочки у ей осталось. Ну, откуда не возьмись, - уполномоченный. Райком посылает в каждый колхоз, как контролера. А она расстроилась, застеснялась. Туды-суды... Он: «Бабушка, а что с тобою?». Ну ...что? Он догадался. Она высыпала... Вот так вот подняла подол, вот так как было у ней привязано, - это все высыпалось. Смерили, свешали – три килограмма. Ну, три года и получила. Трое детей остались. Голод был» [31].

Однако голод был сильнее страха и запретов и дети «выходили на выпаса», чаще всего в ночное время, чтобы не попасться. Случаев и удачного, и неудачного сбора колосков записано много. По отношению к детям, участвующим в собирательстве колосков отношение было более мягким и взрослые не препятствовали, а иногда и подталкивали детей к этому. Как в следующем рассказе: «...сгорела полоса проса. Тогда сеяли просо. Полоса почему-то сгорела в поле, ну, а мы собрались, опять девчонки. Ну, и пошли мы в ночь туда по-за краями. Есть-то нечего было! По-за краями. Пособирали колоски какие остались, пошелушили. Ну и поскольку мы там нашелушили просо - переночевали там. И часа в четыре, [как] только начало брезжить - бегом домой. Из околка — в околок. Из околка через поле перебежали, в околок только выскочили, в самый последний вот околок за селом - вот тебе раз! Опять... [уполномоченные]. Ну и всё. Остановили нас и отобрали у нас это всё. А тогда колхозы, у нас четыре колхоза было и четыре конторы было у нас колхозных. Увезли [просо]. Мы — в слезы... Вот мама пошла. Ну, хоть мешки отдали. Вот так вот! А это всё забрали. Вот даже это [колоски] не давали. Ну а что бы, ведь оно всё равно пропало бы там! Кто б его собирал бы ночью! Нет, нельзя было. Ничего не давали» [32].

Те дети, что были постарше самоорганизовывались в борьбе и с голодом, и с законами, и с взрослыми. Как рассказывала Бурматова: «в бригаде украдем у бригадира пшанички, у нас [ватага девчонок] рушилка была. Ага, ручная, деревянная. Ага, это в околках, в кустах [спрятали]. Это, в час ночи пойдем, накрутим. И оставляли эту рушилку в кустах, чтоб никто не нашел тут... Ну, наварим каши, а иде уваришь, иде не уваришь [варили тайком]» [33]. Но сбор колосьев был опасен и тем, что вел инфекционным заболеваниям или отравлениям, т.к. поля протравлялись от грызунов и химикаты благодаря талой воде пропитывали колосья. Записаны жизненные истории о гибели людей в результате отравления. Даже появился термин «волчья болезнь» [34].

Собирательство не только зерновых было запрещено. Под запрет, но по другим причинам попадали и «дары леса и лугов» - ягоды, хворост, засохшие деревья. Все эти объекты собирательства превращали само собирательство в опасное занятие. Та же Черных рассказывала о борьбе с детьми и женщинами, собирающими ягоды: «И вот верховые ездят вокруг околка: не давали смородину собирать! Понимаете!?! «Вы, - говорят, - ходите и топчите поля!». Ну, мы в околок зайдём, по колено в воде, — собирали смородину — кого там топтали? Что делали? Нет, нельзя и всё. Ладно. Потом уж, ладно, мы там клубнику собираем — мы конечно траву топчем, а её же, мол, косить надо. Ага, ладно... А бруснику? А.. мы здесь жили, а ходили ... в тот лес. Ну и набрали мы этой брусники. Выходим из леса, а...боимся, что у нас вот ягоду эту отберут. Бруснику!!! Отбирали... объездчики. Отберут ведра -

или высыпают, перетопчут ягоду или забирают с собой и увезут... Что мы там топчем-то [в бору]!? А? Уж там [луг] ладно..., уж мы там клубнику собирали, уж там вроде как траву топтали. Но тут-то мы кому мешали, в бору!?» [35].

К коллективному неорганизованному собирательству относились и «походы» детей «по колхозным амбарам». Особенно много воспоминаний о «подворовывании жмыха». В Сибирь, кроме собственного жмыха из подсолнечника, много завозилось хлопкового жмыха. Его использовали, в т.ч. и для выдачи на трудодни и для питания колхозников. «Было мне в это время семнадцать лет, мне и моим подружкам. Девчат в зиму 1943 года разделили на две бригады, одна бригада возила солому с полей на базы. А я и еще семь девчонок попали в другую бригаду, мы доставляли в совхоз горячее со станции Поспелиха. От Покровского до Поспелихи около 150 километров. Зимы были снежные, морозные. С собой из еды брали картошку, которая в дороге замерзала. Хлеба не было; иногда из жмыха пекли в дорогу лепешки, которые тоже оказывались мерзлые... Иногда в амбарах удавалось добыть жмых. Жмых был хлопковый, семечек в нем было очень мало. Жевали его в дороге вместе с мякиной, заедая снегом. Иногда под пай давали немного хлеба, настоящего. Морожена картошка, кусочек хлеба, жмых, чай и дальняя дорога» [36].

В семейной системе питания его добавляли в тесто для хлеба: «Снабжали нас хлопком. Масло, потом из семечек делали. Хлопок – это технический¹. Какая тогда мука была? Картошку еще варили. И это [жмых и картошку] туда [в тесто] все месила и хлеб пекла [мама]. Вот такие булочки посадит на «лист» [для выпечки в русской печи повсеместно использовали капустные листья], на этот, на «под» [дно] нельзя было [выкладывать лепные булки], потому что оно [тесто] рассыпалось. На листе спечет. И это ели.» [37].

Дети же искали способы проникновения в колхозные амбары, где хранился жмых: «Один раз, помню в воскресенье, позавтракали; что-то такое поели, что было дома. Я вышла на улицу, есть хочу. И дядя мой рядом жил. Мы вышли с сестрой – пойдём до склада, рядом с нами был. Пойдем на склад, может какое зерно упало или что, поднять и поесть. Когда только дошли до склада – он открытый. Приоткрыли, а там лежит хлопковый жмых. Мы вот по такому кусочку взяли и на огород в канаву побежали. Сели, там его сгрызли, чтобы никто нас не увидал и в воровстве не обвинил» [38].

Вторая форма – это ежедневное индивидуальное повседневное собирательство всего съедобного в окрестностях села. Своего рода содержание детей дошкольного и младшего школьного возраста на «подножном корму». Как определяли сами дети войны - собирали и ели «всяку всячину, лишь бы натолкать...» или «жили на траве» [39]. Описания своего рода «выпаса» детей в окрестных лугах и лесах содержатся во всех воспоминаниях респондентов. Изучение опыта собирательства и военной «кулинарии» может стать самостоятельным объектом изучения. «Рано весной мы гурьбой ходили за щавелем, гусиным луком. В окошках рвали борщевку, коренья разные [40, с.11]». «Кислятки нарвём. Это борщ варить кислятка. Она растет листьями такая, красный корешок. Сырую режут ее мы и слизуну нарвём. Слизун как лук. Вот нарвём, соли с собой возьмём, сядем на дороге, сядем отдыхать, в соль мачим, наядимся и пошли...» [41]. «Больше всего рагоза, кандык, слизун». [42] «Ели кандык, траву кашку, акацию... собирали бересту – делали жвачку [самодельная березовая сера] [43] «Трава козелька – как щавель. Крапиву и лебеду – борщ варили. Одуванчики так ели» [44]. «Кандык, лебеда, крапива, щавель, слизун». Как подшучивала Р.Д. Сычева «Наедимся... Вокруг рта зеленое всё и слюна зеленая. Пузыри пускаем!»

При этом многие из перечисленных трав заготавливали и впрок. Тот же слизун - дикий лук с сочными толстыми перьями, в описании респондентов: «как чеснок, только листья шире», был важнейшей составляющей не только питания, но и лечения детей в весенний период. Он спасал от зимнего ослабления организма и авитаминоза. Его использовали все лето до снегов, т.к. он рос повсеместно и был самой распространенной пищей путников за ягодами, по пути в бригаду или на полевой стан. Заготавливали на зиму: «слизун ели. Он растет в лесу. Его жарили, солили и так ели. Солили в банки. И окрошку делали с него. На зиму заготавливали в кадушки. [45].

Ежедневное индивидуальное повседневное собирательство («пропитание на подножном корму») также можно разделить на две формы. Это «выпас» детей на съедобных растениях в окрестностях, как ежедневное явление в повседневных практиках военной тыловой деревни. И сбор трав, служивших примесью к муке для выпечки хлеба, как самого большого лакомства военного времени.

Первую форму повседневного пропитания можно было условно разбить на виды в соответствии с тем, что собиралось. В повседневном собирательстве особенно популярны были клубневые растения, такие как кандык и растения с толстыми съедобными корнями в приречных, приозерных и приболотистых территориях. Среди них часто встречается растение, которое респонденты называют по-разному – «ригоза», «рагоза»: «тянули из воды, белый такой, сочный корень и сразу же ели». Вторую группу растений для «пропитания на подножном корму» составляли растения со съедобным стеблем или верхней части – различные виды лесного и полевого лука (вшивик, слизун и д.), щавелевые растения. Они до сих пор используются детьми и взрослыми, но уже «для баловства» при прогулках. Отдельную группу растений составляли дикорастущие, не употребляемые в

¹ Его плотами поставляли в села Алтайского края.

современной системе питания растения – медуница, одуванчики. Как говорили: «летом ели одуванчики, щавель, слизун. Заготавливали их в больших количествах и на хранение в погреб».

Вторая форма повседневного индивидуального собирательства заключалась в сборе трав, служивших примесями к каким-либо продуктам или основой для приготовления блюд. Как правило, они являлись своего рода «заменителями», например, муки и крупы – основ питания крестьянства. В их качестве выступали лебеда и крапива. Но из них же варили супы. Контент-анализ показывает, что лебеда несомненно являлась «королевой» такой «полевой» кухни. «Детьми войны» она сейчас вспоминается «лопушистой», большой, сочной, как капуста. Ее же сушили и добавляли в выпечку. В рассказах это выглядит так: «ели траву всякую. Заготавливали, сушили, а потом толкли ее и в хлеб добавляли» [46]. Заготовка таких пищевых суррогатов составляла важную отрасль военной экономики крестьянской семьи, поэтому и представляла важную разновидность собирательства. Список суррогатов по устным свидетельствам был весьма широк – это и «цурепка», и «рыжик», и «кашка», и «носки», и лебеда и другие растения. За народными названиями скрывались сурепка, пастушья сумка, и другие. Одним из суррогатных добавок в выпечку являлась сурепка: «Цурепку [например, туда добавляли]... Из чего она, цурепка? Она растет. Зернышки как толкли и пекли – цурепка. Зерна толкли их и ели» [47]. Распространенной добавкой в муку повсеместно служила «кашка». «А потом кака-то была кашка, росла мелкая мелкая. Как вот меньша конопля. Возле бора её много. Пойдём, намолотим ведрушечку, возьмем палочку намолотим, мама нам наварить на воде, она аж хрупотить на зубах, хруп хруп хруп хруп. Наедемся и пошли» [48].

При этом респонденты различают вкусовые особенности суррогатов. Так про «рыжик» говорили, что хлебобулочные изделия, часто пекли калачи, выглядели красиво, но на вкус уступали таким суррогатам как та же сурепка. Р.Д. Сычева так говорила об этом: «мама калачи напечет из рыжика – желтые ровненькие, красивы но не вкусны, с запахом. Я их не любила.» Среди примесей в муку были и сушеные толченные корни некоторых озерных растений. В.Н. Бурматова рассказывала «В войну ели лебяду, да вот «носки» драли ходили. Мама скажет: «Девчонки, надо седня итить за «носками!»» Камыш, носки, таки длинные белые. Толстый такой камыш, его с корнем вырываешь, а там вот такие отростки, белые. Носки называли.. Вот мы их наберём мешок, принёсем. Дак, мамка засушить, он становится хрупким как мука, в ступке натолкеть, насеит на решетцо, штуки две-три картошки туды очистить, сварить, каралек нам настряпать. Или лепешек катаить. [«Носки»] мягкие, сладкие. Дак, и надерём, дак, и так наедемси» [49].

Добавками в хлебное тесто служила и картошка в разных видах, и мерзлая, и зеленая, и картофельные очистки. Как говорила Н.Ф. Грачева, «Тогда не пропадало ничего. Очистки вот... картошку. Очистки сушишь, толкешь и в хлеб кладешь. Пекли такой хлебушко. Все равно считали, что это хлеб. Мама отрежет...» Вкусные «алябушки» – булочки получали с добавлением в муку жмыха: «Толкли, стряпали булочки», но чаще пекли «хлеб черный, наполовину с макухой» [50]. Макухой в Сибири, как и везде, называли прессованный жмых, полученный после отжима из семян масличных культур, таких как подсолнечник, рапс, рыжик, конопля, лен и др.

Но эти же зерна масляничных трав использовались и как самостоятельные блюда – каши: «Питались «кашкой» – толкли и варили на воде» (Р.Д. Сычева). При этом она говорит, «не любила я эту кашу – мелкие зернышки, смотрят как глазки из чашки. Не любила ее». И.А. Барсов так рассказывал: «Травы ели. Трава «рыжик» У него есть семена. Была трава «кашка». Тоже семена, обдирали и варили как кашу. Кипятили воду и траву шелушили. Рыжик – дикое растение, растет на степи и «кашка»... комбинировали травы. Вот мы и ели «кашку», и рыжик. На зиму заготавливали «кашку» [51].

Заключение

Таким образом, война оставила сибирское тыловое сельское общество без государственной помощи в повседневной жизни. Семейное хозяйство и семейный труд, как главные традиционные источники существования крестьянского общества, в силу предвоенных советско-социалистических трансформаций и военного положения страны уже не являлись главными средствами существования крестьянской семьи. Сельское общество, представленное поколениями, выросшими в условиях традиционной культуры и единоличного хозяйствования, адаптировалось к экстремальным условиям благодаря знаниям и навыкам решения проблем питания. Максимальное использование возможностей кормящего ландшафта в повседневных практиках сельской семьи стало жизненной стратегией нетрудоспособного населения. Именно поэтому в сибирской тыловой деревне на уровне семейной экономики наблюдался переход к архаичным присваивающим формам хозяйствования. Значительное место занимало семейное собирательство, наряду с такими занятиями как ловчие промыслы мелких грызунов и рыбалка. Рассмотрение этой проблемы показало необходимость дальнейшего исследования как основных, так и периферийных компонентов культуры жизнеобеспечения сельского населения Сибири в годы войны.

Примечания:

1. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 863 с.

2. Арутюнов С.А. Проблемы исследования культуры и жизнеобеспечения этноса / Арутюнов С.А., Маркарян Э.С., Мкртумян Ю.И. // Этнографическое обозрение. 1983. №3. С. 22-31.
3. Щеглова Т.К. Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920-1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам / Материалы научно-практической конференции «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х – начале 50-х годов XX века» 30-31 мая 2014 года. Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. С. 554-571.
4. Бэрг М.П. Устная история в Соединенных штатах // Новая и новейшая история. 1976. № 6. С. 213-216.
5. Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 5.
6. Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. 612 с.
7. Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 366 с.
8. Щеглова Т.К. Устная история: Учебное пособие для студентов вузов. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.
9. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Щегловой Т.К., Дмитриевой Л.М.; под ред. Виганд Л.А. Барнаул: Алт. дом печати, 2012. 448 с.
10. Сагандык Николай Дмитриевич, 1937 г.р. Бор-Форпост, Волчихинский район. Архив Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии (ЦУиЭ ЛИК АлтГПА). Фонд ИЭЭ, 2011.
11. Алтайская деревня ... С. 17.
12. Валу́йский Дмитрий Григорьевич, 1929 г. р. Зыково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
13. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы / Под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2001. 188 с. с.51.
14. Грачева Нина Федоровна, 1930 г.р. Селиверстово, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
15. Алтайская деревня ... С. 17.
16. Там же.
17. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х-1980-е годы / под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2001. 188 с.
18. Алтайская деревня ... С. 46.
19. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
20. Чемшикова Антонина Михайловна, 1934 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
21. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г.р. Конево, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
22. Там же.
23. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
24. Пожарских Гавриил Ильич, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2010.
25. Сагандык Николай Дмитриевич, 1937 г. р. Бор-Форпост, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
26. Ткачев Александр Афанасьевич, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
27. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
28. Сагандык Николай Дмитриевич, 1937 г. р. Бор-Форпост, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
29. Ковтун Марфа Иосиповна, 1908 г.р. Поселок Майский. Романовский район. Рукопись. Архивный отдел администрации Романовского района.
30. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
31. Сагандык Николай Дмитриевич, 1937 г. р. Бор-Форпост, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
32. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
33. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г.р. Конево, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.

34. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.
35. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
36. Алтайская деревня ... С. 43-44.
37. Алтайская деревня ... С. 95.
38. Там же.
39. Яковлева Мария Михайловна, 1935 г.р. Закладное, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
40. Алтайская деревня ... С. 11.
41. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г.р. Конево, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012
42. Ткачев Александр Афанасьевич, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014
43. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
44. Вышиденко Татьяна Герасимовна, 1936 г.р. Закладное, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
45. Чемшикова Антонина Михайловна, 1934 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
46. Грачева Нина Федоровна, 1930 г.р. Селиверстово, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
47. Там же.
48. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г.р. Конево, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012
49. Там же.
50. Грачева Нина Федоровна, 1930 г.р. Селиверстово, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
51. Барсов Иван Алексеевич, 1929 г.р. Гуселетово. Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.

References:

1. Senjavskaia E.S. The Psychology of war in the 20th century: the historic experience of Russia. M: ROSSPEN, 1999. 863 p.
2. Arutyunov S.A. Problems of research culture and life support system / Arutyunov S.A., Markarian E.S., Mkrtumian Y.I. // *Ethnographic Review*. 1983. №3. Pp. 22-31.
3. Shcheglova T.K. Housing of dispossessed peasants and deported under forced resettlements 1920-40s: material, technology and types as represented in oral historical sources / Proceedings of the International conference " Know in order not to forget: the totalitarian regime and the people in 1920s-1950s" 30-31 May 2014. Ust-Kamenogorsk: "Media Alliance", 2014. Pp. 554-571.
4. Berg M.P. Oral history in the United States // *Modern and Contemporary History*. 1976. № 6. Pp. 213-216.
5. Hubova D.N. Oral History and Archives: foreign concepts and experience. Synopsis of PhD in History thesis. M., 1992, p. 5.
6. Schmidt S.O. "Oral History" in the system of source study of historical knowledge // Schmidt S.O. The path of the historian. Selected works on source study and historiography. M., 1997. 612 p.
7. Thompson, Paul The voice of the past. Oral history. SPb.: Publishing House of Europe. St. Petersburg University, 2003. 366 p.
8. Shcheglova, T. K. Oral History: Textbook. Barnaul: AltSPA, 2010. 364 p.
9. Altai village in the stories of its inhabitants /Ed. In research: Shcheglova T.K., Dmitrieva L.M.; Ed. Wiegand L.A. Barnaul: Alt. Printing House, 2012. 448 p.
10. Saghandyk Nikolai, born in 1937. Bor-Forpost Volchihinsky district Archive of Center of Oral History and Ethnography (COH&E AltSPA). Collection: historical and ethnographic expedition (HEE). 2011.
11. Altai village... P. 17.
12. Valuysky Dmitry Grigorjevich, born in 1929. Zykovo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE , 2012.
13. Sketches on the history of the peasant household and family in West Siberia late 1920s-1980s / Ed. by VA Ilyinykh. Novosibirsk, 2001. 188 p. p. 51.
14. Gracheva Nina Fyodorovna, born 1930 Seliverstovo, Volchihinsky district Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE , 2011.
15. Altai village... p. 17.
16. Op. cit.
17. Sketches on the history of the peasant household and family in West Siberia late 1920s-1980s / Ed. by VA Ilyinykh. Novosibirsk, 2001. 188 p. p. 52.

18. Altai village... p. 46.
19. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA . Collection HEE , 2012.
20. Chemshikova Antonina Mihailovna, born in 1934 g.r. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA . Collection of HEE, 2014.
21. Burmatova Maria Nikiforovna, born in 1926. Konevo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2012.
22. Op. cit.
23. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
24. Pozharsky Gavriil Ilich, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2010.
25. Saghandyk Nikolai, born in 1937. Bor-Forpost Volchihinsky district Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2011.
26. Tkachev Alexander Afanasievich, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2014.
27. Sycheva Raisa Dmitrievna, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2014.
28. Saghandyk Nikolai, born in 1937. Bor-Forpost Volchihinsky district Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2011.
29. Kovtun Martha Iosipovna, born in 1908. Maisky, Romanovsky district. Manuscript. Archival department of administration of Romanovsky district.
30. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
31. Saghandyk Nikolai, born in 1937. Bor-Forpost Volchihinsky district Archive of COH&E AltSPA. Collection: HEE, 2011.
32. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
33. Burmatova Maria Nikiforovna, born in 1926. Konevo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
34. Shcheglova T.K. The Village and the Peasantry of the Altai Territory in the XXth Century. Oral History: Monography. Barnaul: BSPU, 2008. 528 p. with illustrations.
35. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
36. Altai village... p. 43-44.
37. Altai village... p. 95.
38. op. Cit.
39. Jakovleva Maria Mihajlovna, born in 1935. Zakladnoe, Romanovsky district . Archive of COH&E AltSPA. Collection of HEE, 2014.
40. Altai village... p. 11.
41. Burmatova Maria Nikiforovna, born in 1926. Konevo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection of HEE, 2012.
42. Tkachev Alexander Afanasievich, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2014.
43. Sycheva Raisa Dmitrievna, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE , 2014.
44. Vyshidenko Tatiana Gerasimovna, born in 1936. Zakladnoe, Romanovsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2014.
45. Chemshikova Antonina Mihailovna, born in 1934. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2014.
46. Gracheva Nina Fyodorovna, born in 1930. Seleverstovo, Volchihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection of HEE, 2011.
47. op. cit.
48. Burmatova Maria Nikiforovna, born in 1926. Konevo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
49. op. cit.
50. Gracheva Nina Fyodorovna, born in 1930. Seleverstovo, Volchihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2011.
51. Barsov Ivan Alekseevich, born in 1929. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2014.

УДК 94(571)

**Собирательство как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения
сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени
1941–1945 годов по устным историческим источникам**

Татьяна Кирилловна Щеглова

Алтайская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
656031, Алтайский край, г. Барнаул, улица Молодежная, 55
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: tk_altai@mail.ru

Аннотация. В статье система жизнеобеспечения нетрудоспособного населения сибирской тыловой деревни в период Великой Отечественной войны 1941-45 гг. рассматривается с помощью методов и источников устной истории и отечественной этнологии. Анализ полевых материалов за 1990-2014 гг. показывает, что, благодаря старшему поколению, несмотря на «раскрестьянивание» 1920-1930-х гг., в деревне сформировался комплекс поведенческих действий и занятий, которые способствовали формированию стратегии выживания крестьянской семьи, основанной на использовании ресурсов кормящего ландшафта и элементах традиционной культуры жизнеобеспечения. Собирательство стало одним из главных способов выживания детей, рассматриваются его виды и формы, характеризуются растения, плоды и грибы, употребляемые в пищу. Было установлено, что собирательство было коллективным организованным, под присмотром и с участием «бабушек» и индивидуальным собирательством, представлявшим собой своеобразное пропитание детей «на подножном корму». Предпринята попытка выделить формы и виды собирательства. Доказано, что наряду с употреблением съедобных растений непосредственно, в семейной экономике заготавливались «дары природы» в срок на длинную сибирскую зиму. Кроме грибов и ягод рассматриваются заготовки трав, служивших суррогатами (примесями в муку для выпечки хлеба), а также основой для каш. Показаны ограничения и наказания не только за собирательство осыпавшихся колосков на колхозных полях, но и случаи пресекания собирательства в окрестностях сел.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; тыловая сибирская деревня; нетрудоспособное население; система жизнеобеспечения; пища; собирательство; стратегия выживания; очевидцы; участники; респонденты.